

цианской элиты, так и среди более широких слоев пополанов (путем многочисленных займов и кредитов, в том числе и несостоятельным должникам, а также благотворительных акций), управлять государством, «не выдвигаясь на первый план». Он не был ни в числе синьоров, ни гонфалоньеров — высших лиц в государстве. Лишь в 1438 г., после его триумфального возвращения во Флоренцию из изгнания, он вошел в состав Комиссии десяти (*Dieci di Balìa*), игравшей важную роль в делах государства, и только в 1440 г. был в числе чиновников, принимавших участие в выборах магистратов (*ассорпиатори*). Это, однако, вовсе не исключало того факта, что на всех важных постах во Флорентийском государстве находились его сторонники и друзья. Стремление Козимо походить от простого купца своим обликом и поведением, что должно было поддерживать его авторитет среди сограждан, тем не менее уживалось с проявлениями расточительства и роскоши, свидетельством чему — постройка громадного дворца на виа Ларга, символизировавшего влияние и могущество фамилии, дворца, где он торжественно принимал германского императора Фридриха III и византийского василевса Иоанна Палеолога.

Неслучайной была неоднозначная, а порой и разноречивая оценка деятельности Козимо, в том числе его отношения к республиканским учреждениям, со стороны гуманистов. Так, Аламанно Ринуччини именовал Козимо «мудрейшим из современников, первым среди равных гражданином», а после смерти Козимо составил проект о присвоении ему титула «Отец Отечества» (*Pater Patriae*)²⁷.

Тот же Ринуччини при сыне Козимо Пьеро, который стремился ликвидировать еще сохранявшиеся демократические институты, примкнул к антимагистратской оппозиции. Он поддерживал авторитет молодого Лоренцо, но реформу 1471 г., преследовавшую цель укрепить позиции Лоренцо в Совете ста, характеризовал как «тираническую». Особенный ущерб республике, ее достоинству и авторитету, по мнению Ринуччини, был нанесен ликвидацией трех больших советов и заменой их Советом семидесяти, так как все эти постановления были направлены «против свободы народа», которая оказалась «утерянной и похороненной». В «Диалоге о свободе» Ринуччини активно поддерживает идею пополанской республики, признавая, однако, что в ней при всем ее демократизме низшие слои, плебс, которые не были в состоянии уплачивать налоги, не принимали действительно участия в управлении²⁸.

В XVI в. были широко распространены политические теории так называемого смешанного правления, образцом которого должна была стать аристократическая республика Венеция. Главная идея сторонников «смешанного правления» — Н. Макьявелли, Ф. Гвиччардини, Д. Джанотти, Ф. Патрици и др. — сочетание в государстве этого типа единоличной власти и олигархического правления с допуском в большей или меньшей мере к участию в государственных делах представителей и более широких кругов пополанства, прежде всего состоятельных его слоев (триада «Большой совет — сенат — государь»). Это должно было обеспечить относительную прочность и стабильность правления. Джанотти считал, что «смешанное правление» должно быть ближе к республике пополаров, в которой они — владельцы недвижимости и налогоплательщики (за исключением плебса) — принимали бы участие в высшем органе государства — Большом совете, обладавшем всей полнотой законодательной власти, ведавшем вопросами войны и мира. Знать должна была бы заседать в сенате, который осуществлял свои функции лишь по указанию Большого совета. Как видим, хотя социальная база этой республики относительно широка, немущие, плебс, наемные рабочие лишались гражданских прав, как они были

²⁷ Rubinstein N. Il governo di Firenze sotto i Medici (1434—1494). Firenze, 1971; Brucker Gene A. Firenze nel Rinascimento. Firenze, 1980.

²⁸ Брагина Л. М. Указ. соч., с. 92—116.